

## Концертмейстер Константин Костырев

*Большой театр. — 1999. — 18 марта*

Более 30 лет работает в Большом театре концертмейстер К. К. Костырев. И, несмотря на уже не молодой возраст, большинство солистов оперы продолжает называть его «Костя». И совсем не потому, что он — человек легкий, «открытая душа».

Есть люди, умеющие со всеми поддерживать хорошие отношения, не участвовать ни в каких конфликтных ситуациях, знающие, когда надо промолчать, а когда сказать кому нужно что-то особенно приятное. Ни одной из этих черт Костя Костырев не обладает. Скорее наоборот: в жизни он не очень удобен в общении. И все же знаем мы его не только как концертмейстера высокой квалификации, но и как бесконечно доброго человека, способного поддерживать и помочь в беде.

Любовь к театру, к своему концертмейстерскому делу привила ему, наверное, Евгения Михайловна Славинская — легендарный оперный концертмейстер (кстати, и дирижер), который в этом году исполняется 100 лет, преподававшая в Институте имени Гнесиных, где учился Костырев. Вообще Гнесинка была его колыбелью — здесь он начал свою трудовую деятельность. Прежде чем «обосноваться» в Большом театре, работал в разных музыкальных театрах и филармониях.

Огромное влияние на Костю, как на музыканта, оказали блестящие дирижеры Большого театра: Г. Рождественский, О. Дмитрияди, Б. Хайкин, М. Эрмлер, Е. Светланов, Ю. Симонов, Ф. Мансуров.



За долгую творческую жизнь в Большом театре он работал с такими выдающимися певцами, как П. Лисициан, И. Козловский, В. Борисенко, В. Фирсова, Е. Смоленская, А. Большаков, Э. Андреева, М. Миглау, Т. Сорокина, Е. Райков и другие.

Многие свои партии я готовлю и повторяю с Костей (что не мешает мне работать и с другими нашими концертмейстерами). Для меня большую роль играет человеческий контакт: певец — концертмейстер. Костя в работе требователен до придирчивости, занимается с полной отдачей и того же, не без основания, ждет от певца.

У него редкое чувство звучащего слова, а отсюда — и внимание к дикции. Кажется, эта наука называется орфоэпика. Никаких «смазанных» «э» и «е», «о» и «а» Костя не допускает. Если в тексте партии (русском или итальянском) есть слова, значение которых он точно не знает, — никогда не поленится посмотреть в справочнике или в словаре. И не устает повторять:

идите в Малый театр, учитесь правильно произносить русские слова. Вот это неравнодушие в работе вызывает в Косте всяческое уважение.

Приведу один пример. К тому времени, когда я пришла в Большой театр, в моем репертуаре уже была партия Чжо-Чжо-сан. Я получила приглашение из Баку — исполнить эту партию. Костя говорит: «Надо вспомнить!» Я ему: «Странновато, давно не пела. Может, отказаться?»

а он в ответ: «Не сдохнете! Все споете!» И оказался прав. Мое выступление прошло с большим успехом. У Кости есть замечательное качество: умение вселить уверенность, что в спектакле «все получится», «все будет в норме».

Трудный характер Кости не все могут перенести, отбросить его строптивость во имя доброты, умения охотно помочь людям, откликнуться на любую просьбу. Но если вы хотите что-то узнать о ветеранах оперы — как они, здоровы ли, — спросите Костю. Он их опекает, как самых близких, родных людей. И они очень ценят подобное отношение. А еще он занимается СТД, путевками, льготами... — и на все его хватает.

Общаясь с Костей, я часто думаю с сожалением о том, что мы не всегда умеем увидеть и оценить истинную сущность человека, которая значительно интереснее и богаче, чем то, что на поверхности.

Ирина УДАЛОВА.